

Mikhail Evgrafovich Saltykov

Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина)

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Mikhail Evgrafovich Saltykov

Сочинения М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина): Том 1 / Mikhail Evgrafovich Saltykov – М.: Книга по Требованию, 2024. – 572 с.

ISBN 978-5-8779-0017-2

ISBN 978-5-8779-0017-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

ВВЕДЕНІЕ .	1
I.—ПРОШЛЫЯ ВРЕМЕНА:	
ПЕРВЫЙ РАЗСКАЗЪ ПОДЪЯЧАГО.	7
ВТОРОЙ РАЗСКАЗЪ ПОДЪЯЧАГО .	15
НЕПРІЯТНОЕ ПОСЪЩЕНІЕ.	20
II.—МОИ ЗНАКОМЦЫ:	
ОВМАНУТЫЙ ПОДПОРУЧИКЪ	35
ПОРФИРІЙ ПЕТРОВИЧЪ	41
КНЯЖНА АННА ЛЬВОВНА	52
ПРІЯТНОЕ СЕМЕЙСТВО .	65
III.—БОГОМОЛЬЦЫ, СТРАННИКИ И ПРОЪЗЖІЕ:	
ОБЩАЯ КАРТИНА .	79
ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ ПИМЕНОВЪ	90
ПАХОМОВНА	97
ХРЕПТЮГИНЪ И ЕГО СЕМЕЙСТВО	101
ГОСПОЖА МУЗОВЕИНА	110
IV.—ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ И МОНОЛОГИ:	
ПРОСИТЕЛИ	121
ВЫГОДНАЯ ЖЕНИТЬБА.	145
ЧТО ТАКОЕ КОММЕРЦІЯ? .	156
СЛУБА .	165
V.—ПРАЗДНИКИ:	
ЕЛКА .	172
„ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!“	178
VI.—ЮРОДИВЫЕ:	
НЕУМЪЛЫЕ	184
ОВОРЯКИ .	190
НАДОРВАННЫЕ	195

VII.—ТАЛАНТЛИВЫЯ НАТУРЫ:	
КОРЕПАНОВЪ	201
ЛУЗГИНЪ .	207
ВЛАДИМИРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ БУЕРАКИНЪ	218
ГОРЕХВАСТОВЪ	231
VIII.—ВЪ ОСТРОГЪ:	
ПОСЪЩЕНІЕ ПЕРВОЕ .	245
ПОСЪЩЕНІЕ ВТОРОЕ .	254
АРЯНУШКА .	261
СТАРЕЦЪ	263
МАТУШКА МАВРА КУЗЬМОВНА .	290
ПЕРВЫЙ ШАГЪ	333
ДОРОГА (вмѣсто эплога)	346

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I.—ГЕГЕМОНИЕВЪ .	355
II.—ЗУВАТОВЪ .	362
III.—ПРІВЪДЪ РЕВИЗОРА	371
IV.—УТРО У ХРЕПТЮГИНА. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ	395
V.—ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА .	409
VI.—МИША И ВАНЯ. ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ	419
VII.—НАШЪ ДРУЖЕСКІЙ ХЛАМЪ.	429
VIII.—ДЕРЕВЕНСКАЯ ТИШЬ.	443
IX.—СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ЧИПОВНИКА .	458
X.—РАЗВЕСЕЛОЕ ЖИТІЕ. РАЗСКАЗЪ .	475
XI.—ПОСЛѢ ОБѢДА ВЪ ГОСТЯХЪ	497
XII.—ЗАПУТАННОЕ ДѢЛО. СЛУЧАЙ	505—564

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ

ВВЕДЕНІЕ.

Въ одномъ изъ далекихъ угловъ Россіи есть городъ, который какъ-то особенно говоритъ моему сердцу. Не то чтобы онъ отличался великолѣпными зданіями, нѣтъ въ немъ садовъ семирамидиныхъ, ни одного даже трехъ-этажнаго дома не встрѣтите вы въ длинномъ рядѣ улицъ, да и улицы-то все немощены; но есть что-то мирное, патріархальное во всей его фізіономіи, что-то успокоивающее душу въ тишинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его. Въѣзжая въ этотъ городъ, вы какъ будто чувствуете, что карьера ваша здѣсь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать отъ жизни, что вамъ остается только жить въ прошломъ и переваривать ваши воспоминанія.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ этого города даже дороги дальше никуда нѣтъ, какъ будто здѣсь конецъ міру. Куда ни взглянете вы окрестъ — лѣсъ, луга да степь; степь, лѣсъ и луга; гдѣ-гдѣ вьется прихотливымъ извивомъ проселокъ, и бойко проскачетъ по немъ телѣга, запряженная маленькою рѣзвою лошадкой, и опять все затихнетъ, все потонетъ въ общемъ однообразіи...

Крутогорскъ расположенъ очень живописно; когда вы подъѣзжаете къ нему лѣтнимъ вечеромъ, со стороны рѣки, и глазамъ вашимъ издалека откроется брошенный на крутомъ берегу городской садъ, присутственныя мѣста и эта прекрасная группа церквей, которая господствуетъ надъ всей окрестностью, вы не оторвете глазъ отъ этой картины. Темнѣетъ. Огни зажигаются и въ присутственныхъ мѣстахъ, и въ острогѣ, стоящихъ на обрывѣ, и въ тѣхъ лачужкахъ, которыя лѣплятся тѣсно, внизу, подлѣ самой воды; весь берегъ кажется усѣяннымъ огнями. И Богъ знаетъ почему, вслѣдствіе ли душевной усталости, или просто отъ дорожнаго утомленія, и острогъ, и присутственныя мѣста кажутся вамъ пріютами мира и любви, лачужки населяются Филемонами и Бавкидами, и вы ощущаете въ душѣ вашей такую ясность, такую кротость и мягкость... Но вотъ долетаютъ до васъ звуки колоколовъ, зовущихъ ко всеобщей; вы еще далеко отъ города, и звуки касаются слуха вашего безразлично, въ видѣ общаго гула, какъ будто весь воздухъ полонъ чудной музыки, какъ

будто все вокругъ васъ живетъ и дышетъ; и если вы когда-нибудь были ребенкомъ, если у васъ было дѣтство, оно съ изумительною подробностью встанетъ передъ вами, и внезапно воскреснетъ въ вашемъ сердцѣ вся его свѣжесть, вся его впечатлительность, всѣ вѣрованья, вся эта милая слѣпота, которую впоследствии разсѣялъ опытъ, и которая такъ долго и такъ всецѣло утѣшала ваше существованіе.

Но мракъ все болѣе и болѣе завладѣваетъ горизонтомъ; высокіе пики церковной тѣни тонуть въ воздухъ и кажутся какими-то фантастическими тѣнями; огни по берегу выступаютъ ярче и ярче; голосъ вашъ звонче и яснѣе раздается въ воздухъ. Передъ вами рѣка... Но ясна и спокойна ея поверхность; ровно ея чистое зеркало, отражающее въ себѣ блѣдно-голубое небо съ его милліонами звѣздъ; тихо и мягко ласкаетъ васъ влажный воздухъ ночи, и ничто, никакой звукъ не возмущаетъ какъ бы оцѣпенѣвшей окрестности. Паромъ словно не движется, и только нетерпѣливый стукъ лошадиного копыта о помостъ да всплескъ вынимаемаго изъ воды шеста возвращаютъ васъ къ сознанію чего-то дѣйствительнаго, не фантастическаго.

Но вотъ и берегъ. Начинается суматоха; вынимаются причалы; экипажъ вашъ слегка трогается; вы слышите глухое позвякиванье подвязаннаго колокольчика; пристегиваютъ пристяжныхъ; наконецъ все готово; въ тарантасѣ вашемъ появляется шляпа и слышится: „Не будетъ ли, батюшка, вашей милости?“ — „Трогай!“ раздается сзади, и вотъ вы бойко взбираетесь на крутую гору, по почтовой дорогѣ, ведущей мимо общественнаго сада. А въ городѣ, между тѣмъ, во всѣхъ окнахъ горятъ уже огни; по улицамъ еще бродятъ разсѣянные группы гуляющихъ; вы чувствуете себя дома, и, остановивъ ямщика, выльзаете изъ экипажа и сами идете бродить.

Боже! какъ весело вамъ, какъ хорошо и отрадно на этихъ деревянныхъ тротуарахъ! Всѣ васъ знаютъ, васъ любятъ, вамъ улыбаются! Вонъ мелькнули въ окнахъ четыре фигуры за четвероугольнымъ столомъ, предающіяся дѣловому отдохновенію за карточнымъ столомъ; вотъ изъ другого окна столбомъ валитъ дымъ, обличающій собравшуюся въ домѣ веселую компанію привазныхъ, а быть можетъ и сановниковъ; вотъ послышался вамъ изъ сосѣдняго дома смѣхъ, звонкій смѣхъ, отъ котораго вдругъ упало въ груди ваше юное сердце, и тутъ же, съ нимъ рядомъ, произносится острота, очень хорошая острота, которую вы ужъ много разъ слышали, но которая, въ этотъ вечеръ, кажется вамъ особенно привлекательною, и вы не сердитесь, а какъ-то добродушно и ласково улыбаетесь ей. Но вотъ и гуляющіе—все больше женскій полъ, около котораго, какъ и вездѣ, какъ комары надъ болотомъ, роится молодежь. Эта молодежь иногда казалась вамъ нестерпимою: въ ея стремленіяхъ къ женскому полу вы видѣли что-то не совсѣмъ опрятное; шуточки и нѣжности ея отзывались въ вашихъ ушахъ грубо и матеріально; но въ этотъ вечеръ вы добры. Еслибъ вамъ встрѣтился пылкій Трезоръ, томно виляющій хвостомъ на бѣгу за кокеткой Діанкой, вы и тутъ нашли бы средство отыскать что-то наивное, буколическое. Вотъ и она, крутогорская звѣзда, гонительница знаменитаго рода князей Чебылкиныхъ—единственнаго княжескаго рода во всей Крутогорской губерніи—наша Вѣра Готлибовна, нѣмка по происхожденію, но русская по складу ума и сердца! Идетъ она, и издали несется ея голосъ, звонко командующій

надъ цѣлымъ взводомъ молодыхъ вздыхателей; идетъ она, и прячется сѣдовласая голова князя Чебылкина, высунувшаяся было изъ окна, ожигаются губы княгини, кушающей вечерній чай, и выпадаетъ фарфоровая куколка изъ рубѣ двадцатилѣтней княжны, играющей въ растворенномъ окнѣ. Вотъ и вы, великолѣпная Катерина Осиповна, также звѣзда крутогорская, вы, которой роскошныя формы напоминаютъ лучшія времена человѣчества, вы, которую ни съ кѣмъ сравнить не смѣю, кромѣ гречанки Бобелины. Около васъ также роятся поклонники, и вѣется жирный разговоръ, для котораго неистощимымъ предметомъ служатъ ваши прелести. И все это такъ привѣтливо улыбается вамъ, всякому вы жмете руку, со всякимъ вступаете въ разговоръ. Вѣра Готлибовна рассказываетъ вамъ какую-нибудь новую продѣлку князя Чебылкина; Порфирій Петровичъ передаетъ замѣчательный случай изъ вчерашняго преферанса.

Но вотъ и самъ его сіятельство, князь Чебылкинъ, изволить возвращаться отъ всенощной, четверней въ коляскѣ. Его сіятельство милостиво раскланивается на всѣ стороны; четверня раскормленныхъ лошадокъ влачить коляску мѣрнымъ и томнымъ шагомъ: сами безсловесныя чувствуютъ всю важность возложеннаго на нихъ подвига, и ведутъ себя, какъ слѣдуетъ лошадямъ хорошаго тона.

Наконецъ и совсѣмъ стемнѣло; гуляющіе исчезли съ улицъ; окна въ домахъ затворяются; гдѣ-гдѣ слышится захлопыванье ставней, сопровождаемое звяканьемъ засовываемыхъ желѣзныхъ болтовъ, да доносятся до васъ унылыя звуки флейты, извлекаемые меланхоликомъ-приказнымъ.

Все тихо, все мертво; на сцену выступаютъ собаки...

Казалось бы, это ли не жизнь! А между тѣмъ, всѣ крутогорскіе чиновники, и въ особенности супруги ихъ, съ ожесточеніемъ нападаютъ на этотъ городъ. Кто звалъ ихъ туда, кто приклеилъ ихъ къ столь постылому для нихъ краю? Жалобы на Крутогорскъ составляютъ вѣчную канву для разговоровъ; за ними обыкновенно слѣдуютъ стремленія въ Петербургъ.

— Очаровательный Петербургъ! — восклицаютъ дамы.

— Душка Петербургъ! — вздыхаютъ дѣвицы.

— Да, Петербургъ... — глубокомысленно отзываются мужчины.

Въ устахъ всѣхъ, Петербургъ представляется чѣмъ-то въ родѣ жениха, приходящаго въ полуночи; но ни тѣ, ни другія, ни третьи не искренни; это такъ, *façon de parler*, потому что ротъ у насъ не покрытъ. Съ тѣхъ поръ, однакожь, какъ двукратно княгиня Чебылкина съѣздила съ дочерью въ столицу, восторги немного поохладились: оказывается, „*qu'on n'y est jamais chez soi*“, что „мы отвыкли отъ этого шума“, что „*le prince Курылкинъ, jeune homme tout-à-fait charmant, — mais que ça reste entre nous — m'a fait tellement la cour*, что просто совѣстно! — но все-таки какое же сравненіе нашъ милый, нашъ добрый, нашъ тихій Крутогорскъ!“

— Душка Крутогорскъ! — пищитъ княжна.

— Да, Крутогорскъ... — отзывается князь, плотоядно улыбаясь.

Страсть къ французскимъ фразамъ составляетъ общій недугъ крутогорскихъ дамъ и дѣвицъ. Соберутся дѣвицы, и первое у нихъ условіе: „ну, *mes dames*, съ нынѣшняго дня мы ни слова не будемъ говорить по-русски“. Но оказывается, что на иностранныхъ языкахъ имъ извѣстны только двѣ фразы:

permettez-moi de sortir и *allez-vous en!* Очевидно, что всѣхъ понятій, какъ бы они ни были ограничены, этими двумя фразами никакъ не выразишь, и бѣдныя дѣвицы вновь осуждены прибѣгнуть къ этому дубовому русскому языку, на которомъ не выразишь никакого тонкаго чувства.

Впрочемъ, сословіе чиновниковъ — слабая сторона Крутогорска. Я не люблю его гостинныхъ, въ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, все глядитъ какъ-то неувлѣже. Но мнѣ отрадно и весело шататься по городскимъ улицамъ, особливо въ базарный день, когда онѣ кипятъ народомъ, когда всѣ площади завалены разнымъ хламомъ: сундуками, бураками, ведерками и проч. Мнѣ милъ этотъ общій говоръ толпы; онъ ласкаетъ мой слухъ пуще лучшей итальянской арии, несмотря на то, что въ немъ нерѣдко звучатъ самыя страшныя, самыя фальшивыя ноты. Взгляните на эти загорѣлыя лица: они дышатъ умомъ и смѣткою и вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ-то неподѣльнымъ простодушіемъ, которое, къ сожалѣнію, исчезаетъ все больше и больше. Столица этого простодушія — Крутогорскъ. Вы видите, вы чувствуете, что здѣсь человѣкъ доволенъ и счастливъ, что онъ простодушенъ и открытъ именно потому, что не для чего ему притворяться и лукавить. Онъ знаетъ, что чтѣ бы ни выпало на его долю — горе ли, радость ли — все это его, его собственное, и не ропщетъ. Иногда только онъ вздохнетъ да промолвить: „Господи! кабы не было блохъ, да становыхъ, что бы это за рай, а не жизнь была!“ — вздохнетъ и смирится предъ рукою Промысла, содѣлавшаго и Клеерона, птицу сладкогласную, и гадовъ разныхъ.

Купечества въ Крутогорскѣ нѣтъ. Коли хотите, проживаютъ въ немъ такъ-называемые негоціанты, но они пробубнили до такой степени, что, кромѣ носебнаго платья и неоплатныхъ долговъ, ничего не имѣютъ. Сгубила ихъ неосновательность разсудка да пристрастіе къ пиджакамъ и крѣпкимъ напиткамъ. Пробовали-было они, по началу, когда деньги еще кой-какія водились, на свой капиталъ торговать, да нѣтъ, не спорится! Сведетъ негоціантъ къ концу года счеты — все убытокъ, а онъ ли, кажется, не трудился, на пристани съ лихими людьми ночи напролетъ не прошивалъ, до послѣдней копѣйки въ картежъ не проигрывалъ, все въ надеждѣ увеличить родительское наслѣдіе! — Не везетъ! Пробовали они и на комиссію закупы разнаго товара дѣлать, — и тутъ оказались провинности: купить негоціантъ щетины, да для коммерческаго оборота въ нее песочку подсыплеть, а не то хлѣбца такого поставить, чтобъ хрусту побольше ощущалось — отказали и тутъ. Господи! совсѣмъ коммерціей заниматься нельзя.

Но вотъ наступаетъ воскресенье; весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обуздываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праздникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу, но духа времени измѣнить нельзя: „помилуйте, ваше превосходительство, это намъ не въ тягость, а въ сладость!“

— Сегодня отличная погода, — говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ ея превосходительству.

Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

— Только жарко немножко-съ, — отзывается уѣздный страпчій, слегка привставая на креслѣ: — я, ваше превосходительство, потѣю...

— Какъ здоровье вашей супруги? — спрашиваетъ ее превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замѣть разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи...

Ея превосходительство рѣшительно теряется.

Общее смущеніе.

— А у насъ, ваше превосходительство, — говоритъ Порфирій Петровичъ: — случилось на прошлой недѣлѣ обстоятельство. Получили мы изъ Рожновской палаты бумагу-съ. Читали мы, читали эту бумагу — ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ, нужная. Вотъ только и говоритъ Иванъ Кузьмичъ: „позовемте, господа, архиваріуса — можетъ быть, онъ пойметъ“. И точно-съ, призываемъ архиваріуса, прочиталъ онъ бумагу. „Понимаешь?“ спрашиваемъ мы. — „Понимать не понимаю, а отвѣчать могу“. Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако мы подписали и отправили.

Общій хохоть.

— Любопытно, — говоритъ его превосходительство: — удовлетворится ли Рожновская палата?

— Отчего же не удовлетворится, ваше превосходительство? вѣдь имъ больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ: вотъ они возьмутъ да цѣликомъ нашу бумагу куда-нибудь и пропишутъ-съ, а то мѣсто опять пропишетъ-съ; такъ оно и пойдетъ...

Но я предполагаю, что вы — лицо служащее и не заживаетесь въ Крутогорскѣ подолгу. Васъ посылаютъ по губерніи обревизовать, изловить и вообще сдѣлать полезное дѣло.

Дорога! Сколько въ этомъ словѣ заключено для меня привлекательнаго! Особливо въ лѣтнее теплое время, если, притомъ, предстоящіе вамъ переѣзды неутомительны, если вы не слѣша можете расположиться на станціи, чтобы переждать полуденный зной, или же вечеромъ, чтобы побродить по окрестности, — дорога составляетъ неисчерпаемое наслажденіе. Вы лежа ѣдете въ вашемъ покойномъ тарантасѣ; маленькія обывательскія лошадки бѣгутъ бойко и весело, верстъ по пятнадцати въ часъ, а иногда и болѣе; ямщикъ, добродушный молодой парень, безпрестанно оборачивается къ вамъ, зная, что вы платите прогоны, а ножалуй и на водку дадите. Передъ глазами вашими разстилаются необозримыя поля, окаймляемыя лѣсомъ, которому, кажется, и конца нѣтъ. Изрѣдка попадается по дорогѣ починокъ изъ двухъ, трехъ дворовъ, или же одиноко стоящая сельская расправа, и опять поля, опять лѣсъ! Земли-то, земли-то! то-то раздолье тутъ земледѣльцу! Кажется, и жилъ бы, и умеръ тутъ, лѣнивый и безпечный, въ этой непробудной тишинѣ!

Однако, вотъ и станція; вы утомлены немного; но это — то пріятное утомленіе, которое придаетъ еще болѣе цѣны и сладости предстоящему отдыху. Въ ушахъ вашихъ еще остается впечатлѣніе звуковъ колокольчика, впечатлѣніе шума, производимаго колесами вашего экипажа. Вы выходите изъ ва-

шего тарантаса и немного пошатывается. Но через четверть часа вы снова бодры и веселы, вы идете бродить по деревнѣ, и передъ вами развертывается та мирная сельская идиллія, которой первообразъ такъ цѣльно и полно сохранился въ вашей душѣ. Съ горы спускается деревенское стадо; оно ужъ близко къ деревнѣ, и картина мгновенно оживляется; необыкновенная суета проявляется по всей улицѣ; бабы выбѣгаютъ изъ избъ съ прутьями въ рукахъ, преслѣдуя тощихъ, малорослыхъ коровъ; дѣвчонка лѣтъ десяти, также съ прутикомъ, бѣжитъ вся впопыхахъ, загоняя теленка и не находя никакой возможности слѣдить за его скачками; въ воздухѣ раздаются самые разнообразныя звуки, отъ мычанья до визгливаго голоса тетки Арины, громко ругающей на всю деревню. Наконецъ стадо загнано, деревня пустѣетъ; только кое-гдѣ по завалинкамъ сидятъ еще старики, да и тѣ позвываютъ и постепенно, одинъ за другимъ, исчезаютъ въ воротахъ. Вы сами отправляетесь въ горницу и садитесь за самоваръ. Но—о, чудо!—цивилизация и здѣсь преслѣдуетъ васъ! За стѣною вамъ слышатся голоса.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ одинъ голосъ.

— Кого?—отвѣчаетъ другой.

— Тебя.

— Меня-то?

— Ну да, тебя.

— Зовутъ-то?

— Ахъ, чтобъ тебя...

Раздаются аплодисменты.

— Акимъ, Акимъ Сергѣевъ, —торопливо отвѣчаетъ голосъ.

Ваше любопытство заинтересовано; вы посылаете развѣдать, что происходитъ у васъ въ сосѣдяхъ, и узнаете, что еще передъ вами пріѣхалъ сюда становой для производства слѣдствія, да вотъ такъ-то день-деньской и мается.

Вамъ внезапно дѣлается грустно, и вы поспѣшно велите закладывать лошадей.

И снова передъ вами дорога, снова свѣжій вѣтеръ нѣжитъ ваше лицо, снова обнимаетъ васъ тотъ прозрачный полумракъ, который на сѣверѣ замѣняетъ лѣтнія ночи. А полный мѣсяцъ кротко и мягко освѣщаетъ всю окрестность, надъ которою вьется, какъ паръ, легкій ночной туманъ...

Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ милъ твой просторъ и простодушіе твоихъ обитателей! И если перо мое нерѣдко коснется такихъ струнъ твоего организма, которыя издають непріятный и фальшивый звукъ, то это не отъ недостатка горячаго сочувствія къ тебѣ, а потому собственно, что эти звуки грустно и болѣзненно отдаются въ моей душѣ. Много есть путей служить общему дѣлу; но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не бесполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ.

